

БОЛЬШИЕ МЫСЛИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Два театра — два спектакля нового сезона. Разные по теме, не схожие по стилю, режиссуре, игре актеров. Но прочитаны они «свежими, нынешними глазами».

НЕПРИМИРИМОСТЬ

Когда смотришь «Живой труп» в театре имени Вахтангова, кажется, что написана пьеса автором и сыграна актерами ради третьего, последнего акта. Первая половина спектакля представляется своего рода прологом к сложной душевной драме хорошего русского человека Федя Протасова, о которой с такой художественной силой рассказывает Лев Толстой.

В спектакле, поставленном народным артистом СССР Р. Симоновым, звучит мощная нота протеста против страшного уклада тогдашней российской жизни. Но если вначале верно, подчас доводило только подмечены характеры, то в третьем акте накопившаяся режиссером взрывная сила получает в актерском исполнении точное по мысли, захватывающее по силе воздействия эмоциональное выражение.

Наша сцена знает примеры вдохновенного воплощения образа Протасова, пожалуй, самого любимого героя Толстого — драматурга. Здесь и М. Ромашов из театра имени Леси Украинки, и И. Берсенев (театр имени Ленинского комсомола), и Н. Симонов — Ленинградский театр имени Пушкина. Николай Гриценко по-своему раскрыл драму Федя Протасова. В оборванном завсегдае трактиров, в человеке, опустившемся и «конченном», загнанном на самое дно жизни, мы видим удивительную моральную чистоту, абсолютное неприятие всякой лжи, почти детскую доверчивость.

В неожиданном порыве открытости рассказывает Протасов случайному собеседнику историю своей жизни, историю удивительную, почти неправдоподобную. Н. Гриценко играет так, что мы за-

бываем о первой половине спектакля, где Протасов казался чересчур благовоспитанным, чересчур затнатым в свой строгий костюм, забываем, что даже у цыган, слушающая «Невечернюю», рука его не потянулась к вороту, чтобы свободнее стало дышать рядом с этой вольной песней. Сдержанность исполнения уступила место полной актерской «отдаче», полному слиянию с образом. Рассказ о том, как он стал «живым трупом», поставил себя вне общества, вне жизни, звучит у Протасова — Гриценко просто и в то же время страшно. Воздействие этой сцены на зрителя тем более сильно, что большое социальное обобщение дается через трагедию человека, которого мы успели полюбить, через его страдание, его боль.

Ну, и конечно, говоря о третьем акте, нельзя обойти сцену допроса. Здесь, как нигде в спектакле, проявилась режиссерская воля Р. Симонова. Все частности, все детали подчинены главному.

Для следователя — Л. Шихматова: стража законности, живой человек — ничто. Буква закона — все. И делается горько за судьбу людей, отданных в его руки. Для всех троих — Каренина, Лизы и Протасова, людей, связанных сложнейшими человеческими отношениями, — разбирательство этого «дела» о двоеженстве — все равно, что резать по живому. Для следователя — неумолимое следование закону, у которого есть своя статья и свой параграф.

Примитивная, жестокая машина царского правосудия раскрывается перед зрителем во всей своей наготу. И как будто люди другого мира приходят сюда «обвиняемые». И Лиза — Л. Целиковская и Каренина — Ю. Яковлев держатся не просто с достоинством: они говорят на языке, недоступном пониманию следователя. Их душа, их чувства для него закрыты. Они неиз-

меримо выше этого маленького человечка, которому дана власть. И об этом с болью, с гневом говорит Протасов — Н. Гриценко.

И, наконец, последнее — суд. С неоспоримой логикой подводит спектакль своего героя к трагическому завершению. Что несет с собой приговор? В лучшем случае он опять свяжет чужих друг другу людей и сделает жизнь для всех троих невыносимой. Превосходно передает Н. Гриценко состояние человека, увидевшего в жизни только один исход.

Если бы этот спектакль был просто хорошей добротной работой, можно было бы сказать, что вот еще один театр поставил «Живой труп». Но это не так, спектакль не просто «еще один». Он дает право говорить о таком сценическом воплощении русской классики, которое делает ее необходимой в нашем репертуаре, для нашего, пришедшего в театр сегодня, зрителя.

МУЖЕСТВО И ПОЭЗИЯ

Что такое «Милый лжец»? Это спектакль, где на сцене только двое актеров, а текстом им служат письма? Да, представьте себе, это именно так. И тем не менее это настолько интересно, что вряд ли теперь, когда новый спектакль Художественного театра прошел уже много раз, найдется зритель, который с ноткой явного сомнения в голосе задаст подобный вопрос.

На сцене двое — А. Степанов и А. Кторов. Она — известная английская актриса Патрик Кемпбел. Он — великий писатель Джордж Бернард Шоу. Необычайного, занимательного сюжета в пьесе Дж. Килти нет, постановочных эффектов в спектакле — тоже. Но, очевидно, есть то настоящее, что называется искусством, есть подлинное творчество. Только этим можно объяснить единодушное, напряженное внимание зрительного зала к каждой строчке писем двух людей, которых уже нет на свете.

Письма эти, написанные только для одного читателя — для того, кому они адресованы, приобрели неожиданно общественное звучание. И это потому, что два человека, актриса и писатель, по своим взглядам на жизнь, по своему мироощущению и своей чисто человеческой ценности, стали где-то впереди своего времени.

Режиссером И. Раевским найдена такая театральная форма спектакля, которая по точности кажется единственной и неповторимой. Строгое, лаконичное оформление. Целеустремленность и внутренняя собранность в актерской игре. Ничего лишнего. Только то, что предельно ясно выражает мысль, передает чувство.

Патрик Кемпбел — А. Степановой отведена левая часть сцены, и Шоу — А. Кторов почти не переступает ее границ. Но когда приходит очередное письмо, незримая черта, разделяющая их, исчезает, рушатся пространственные и временные преграды. Человеческая близость, драгоценное чувство духовного родства, которое связывало в жизни героев пьесы, наполняют сцену.

Исполнители передают всю непреходящую ценность переписки двух замечательных людей. Глубокая мысль, меткие жизненные наблюдения одного находят неожиданное и остроумное продолжение у другого. И мы невольно оказываемся во власти этой «игры ума», не схоластической и отвлеченной, а живой, наполненной тревогой за судьбу человека в искусстве, за судьбу человека в мире.

Поэтичность и мужественность. В этом слове огромная притягательная сила вечно женственной и стойкой Патрик Кемпбел — Степановой и прозорливца, прячущего за иронией горечь сердца. Шоу — Кторова.

«Милый лжец» — спектакль больших чувств и больших мыслей, а значит — спектакль по-настоящему «мхатовский».

М. САВЛИНА.